

ТЭФФИ

В СТРАНЕ ВОСПОМИНАНИЙ

Рассказы и фельетоны

1917–1919

ПАЛ Ы МИ РА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 3

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6
Т97

*Подготовка текстов, составление,
предисловие и примечания С. И. Князева*

Тэффи

Т97 В стране воспоминаний : Рассказы и фельетоны : 1917–1919 / Тэффи ; [сост., предисл. и примеч. С. И. Князева]. — СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2023. — 254 с. — (Серия «Пальмира — классика»).

ISBN 978-5-517-09545-9

Надежда Александровна Тэффи (Лохвицкая, в замужестве — Бучинская; 1872–1952) — блестящая русская писательница, оставившая наряду с А. Аверченко, И. Буниным и другими яркими представителями русской эмиграции значительный след в истории русской культуры. Ее произведения, веселые и грустные, всегда остроумны, наполнены любовью и состраданием к людям, чутким пониманием человеческих слабостей. Наградой за это стала народная любовь к Тэффи и присужденный ей титул «королевы смеха».

Литературное наследие писательницы очень велико, однако долгое время несправедливо обделялось вниманием творчество ее последних доэмигрантских лет. Настоящий сборник составили рассказы и фельетоны Тэффи 1917–1919 годов, частью вошедшие в ее книгу «Вчера» (1918), частью разбросанные на страницах периодики революционного времени. Собранные вместе, они показывают, как роковые минуты истории, облеченные в стихию чистого юмора, сочетают в себе злободневное и вечное.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6

© Князев С. И., составление, предисловие,
примечания, 2023

© Оформление.

АО «Т8 Издательские Технологии», 2023

ISBN 978-5-517-09545-9

МИНИАТЮРЫ РЕВОЛЮЦИИ

Малоизвестная проза Тэффи 1917-1919 гг.

Местного февраля 1952 года – ровно за восемь месяцев до своей кончины – Тэффи призналась в письме Марку Алданову: «Два запретных пункта моей жизни: политика и математика. Первый нарушаю уже третий раз и всегда успешно».

Марк Алданов ответил в письме от двенадцатого февраля: «Занимались Вы меня тем, что стали заниматься политикой. Какой, дорогая? <...> И почему в *третий* раз? Я знаю только об одном Вашем прецеденте, – это газета Ленина...»¹ Корреспондент Тэффи имеет в виду, конечно, ее работу в 1905 году в газете «Новая жизнь» – уникальном совместном предприятии большевиков и декадентов, которым В. И. Ленин как раз и руководил. В «Новой жизни» Тэффи опубликовала очерки «18 октября» и «Новые партии», стихотворение «Пчёлки», сатирическое стихотворение «Патрон и патроны», метящее в тогдашнего петербургского градоначальника Трепова. Вся эта история ныне довольно известна, в частности, она была описана с присущим Тэффи юмором в мемуарных очерках «Новая жизнь» и «Немного о Ленине», которые в последние годы неоднократно переиздавались². После ухода Тэффи из «Новой жизни» (который, если верить её мемуарам, произошёл

¹ Переписка Тэффи и Марка Алданова хранится в Бахметевском архиве (Архив Российской и Восточноевропейской истории и культуры) Колумбийского университета (Нью-Йорк, США).

² См., например: Тэффи. Смешное в печальном. Рассказы, роман, портреты современников. М., 1992. Тэффи. Печальное вино. Рассказы, фельетоны, воспоминания. Воронеж, 2000 и др.

по причинам скорее творческим, нежели политико-идеологическим) писательница активно сотрудничает в сатирических газетах и журналах, других изданиях либерально-демократического направления, где печатаются её язвительные фельетоны, обличающие самодержавные порядки и прочие приметы «гнусной расейской действительности». Кроме того, в годы первой русской революции темой многих рассказов Тэффи, позднее составивших её первый прозаический сборник (Юмористические рассказы, СПб., 1910), нередко становилась жизнь «простого человека» – если угодно, обывателя, сквозного персонажа Тэффи, в общем-то, чуждого политике, однако оказавшегося захваченным враждебными вихрями и прочими политическими стихиями.

Это, вероятно, и был «первый случай» обращения Тэффи к политике, «запретному пункту» № 1.

Вторым случаем – судя по реакции Алданова, ему неизвестным (что особенно примечательно, ведь писательница была с ним очень дружна), – и является, сколько можно понять, период 1917-1919 годов.

Как известно, Тэффи восторженно приветствовала Февральскую революцию – подобно многим своим знакомым из среды богемы и либеральной интеллигенции. (Так, одиннадцатый за 1917 год номер «Нового Сатирикона» – журнала, в котором Тэффи сотрудничала со дня его основания, ещё когда он назывался «Сатирикон», – вышел 17 марта под шапкой «Да здравствует Республика!»)

Более того, Тэффи не только внятно декларировала в этот период свои политические предпочтения и антипатии, но также – единичный случай в её писательской карьере – выступала как настоящий политический писатель. При этом едва ли можно безоговорочно согласиться с современной исследовательницей, отмечающей: «Стоит обратиться к фельетонам Тэффи, напечатанным в «Русском слове» в июне-июле 1917 года, чтобы перед нами предстала писательница, которая не только прекрасно разбиралась в сумятице политических событий, захлестнувших Россию, но и имела свое собственное мнение о них, свою позицию»³. Это не так, разумеется. Тэффи – аналитик и теоретик не глубокий. Её политическую программу при всём желании не назовешь оригинальной – да что там, просто подробной и прописанной:

³ Спиридонова Л. А. Противление злу смехом // Творчество Н. А. Тэффи и русский литературный процесс первой половины XX века. М., 1999. С. 13.

«Те звёзды, к которым мы идём, – свобода, равенство, братство» («Контр-революционная буква»); «Какая огромная работа – снова поднять и очистить от всего этого мусора *великую идею* (выделено нами. – *Авт.*) социализма!» («Немножко о Ленине»). Свою задачу – пусть никак и не сформулированную – писательница видит в том, чтобы словом поддержать, как сказали бы сейчас, демократические преобразования. Её, Тэффи, критические замечания в адрес новой демократической власти (скажем, вышепротитированный фельетон «Контрреволюционная буква») – это «конструктивная критика», проявления «взвешенной позиции», замечания союзника, а не политического противника. Её выпады против политических оппонентов – это не деконструкция идейных положений, а дискредитация носителей этих самых идей (см., например, фельетон «Немножко о Ленине» или написанная уже после падения Временного правительства остроумнейшая миниатюра «Дыбокрылонтай»). Не брезговала Тэффи и откровенной агитацией и пропагандой. Так в одном из майских номеров «Нового Сатирикона» за её подписью была напечатана бойкая стихотворная агитка под заголовком «Воззвание», призывающая подписываться на объявленный Временным правительством для финансирования войны «Заём свободы», сопровождавшийся «колоссальной пропагандистской кампанией»⁴.

...Нужно быть отменным идиотом,
Чтобы упустить такой момент:
Вдруг прослыть великим патриотом
И вдобавок – получить процент!
Вот поэтому мы просим и зовём,
Подпишитесь поскорее на заём....

...Покупайте столько облигаций,
Сколько можно съесть пешком домой.
Знайте: вы спасаете Россию!
Вам за то воздвигнут монумент,
И, повинность исполняя сию,
Вы ещё получите процент!...
И для этого мы просим и зовём,
Подпишитесь поскорее на заём⁵.

⁴ Страхов В. В. «Заём Свободы» Временного правительства // Вопросы истории. 2007. № 10. С. 31.

⁵ Тэффи (sic! – С. К.). Воззвание // Новый Сатирикон», 1917, № 21. С. 3.

Нет, разумеется, никаких оснований полагать, что политические выступления Тэффи весной-осенью семнадцатого были мотивированы чем-то ещё, кроме собственно её убеждений. Но как всё же сильно ощущается, что Тэффи, выступающая за идеалы свободы, в своих текстах несвободна. Чувствуется, что строку диктует не чувство, а политическая целесообразность. Мы видим, как в стихотворении «Воззвание», скажем, в угоду агитационным целям простодушно и недальновидно рифмуются «идиот» и «патриот», коверкается язык («снести», «сию»...). В своих прозаических произведениях, широко печатавшихся тогда, прежде всего в московской газете «Русское слово», Тэффи как агитатор и пропагандист также явно уступает Тэффи-художнику – несмотря на бесспорный риторический блеск и подлинное, незаёмное, остроумие, свойственное её политическим (или, если угодно, «политическим») фельетонам. Заданность и однозначность в оценках, узость взгляда, утрировка как основной приём, предсказуемость художественных и риторических решений, избыток восклицаний, да и просто пафоса – слишком заметно, что автор решает задачи прежде всего сиюминутные, утилитарные, политические, а уж затем собственно эстетические.

К сожалению, ощущение некоторой художественной фальши, творческой несвободы, внутренней цензуры не покидает, и когда читаешь её произведения первой половины 1917 года, в которых обитатели политического Олимпа не упоминаются. Скажем, один из её фельетонов представляет собою ироническое высмеивание, пусть мягкое и незлобивое, как паникёров, людей, боящихся за свою безопасность, за жизнь близких; людей, оказавшихся персонажами пролога к национальной трагедии. Авторесса же пытается убедить публику, что оснований для паники нет, что настоящее в целом прекрасно. («Заведующие паникой»). Покидать же страну в такой ситуации, по Тэффи – трусость и предательство идеалов «свободы, равенства, братства»: «Всею душой стремясь уехать куда глаза глядят, открыто отстраняясь от всякого участия в тяжёлом и великом подвиге строительства новой жизни, не причисляем ли мы себя с циничной откровенностью к лику дезертиров?» («Дезертиры»). Дескать, не с теми я, кто бросил землю на растерзание врагам...

Как агитатор и спецпропагандист Тэффи, наверное, имеет резоны так себя вести, как художник она терпит поражение.

Давно стало уже общим местом, что формула «Анекдот и трагедия» – очень ёмкая, практически универсальная характеристика произведений Тэффи, ключ к пониманию их структуры.

«Каждый мой смешной рассказ, в сущности, маленькая трагедия, юмористически повернутая»⁶. «Анекдоты смешны, когда их рассказывают. А когда их переживают, это трагедия. И моя жизнь – это смешной анекдот, т. е. трагедия»⁷, – признавалась писательница.

Когда Тэффи бодрится, пытаюсь рассказать, что трагедии никакой нет, а есть лишь повод для шутки – анекдот выходит скверный.

Такое бывает, когда художник пытается убедить себя сотрудничать с властью – какое бы человеческое лицо у неё не было.

«Отдам всю душу Октябрю и Маю, но только лиры милой не отдам», – написал несколькими годами позже её младший современник. Писательница избрала другой путь.

Вскоре Временное правительство пало. Степень восторга, с какой Тэффи приняла свержение Николая II, примерно соответствовала градусу неприятия ею власти большевиков. (Впрочем, сатириконицы жестко критиковали большевиков еще до октября 1917-го: «С № 21 1917 г. «Новый Сатирикон» начал активную антибольшевистскую кампанию, заявил о наступлении «лихолетья» и пришествии Хама»⁸.) То, что вызвало или, скажем, спровоцировало гражданскую войну, интервенцию, белый и красный террор, голод, таланту Тэффи помогло необычайно. Лишившись – по умолчанию – самую на себя наложенных обязательств перед властями предрежащими, от самоцензуры, писательница стала писать тексты просто по любым меркам блистательные – и ничего с нею не могла поделать никакая цензура внешняя в 1917–18 гг. (за неполный год, например, газета «Русское слово», в которой писательница

⁶ Одоевцева И. О Тэффи / Русская литература в эмиграции. Под ред. Н. Полторацкого. Питтсбург, 1972. С. 203.

⁷ Андрей Седых. Далёкие, близкие. Нью-Йорк, 1962. С. 37.

⁸ Толстоброва А. С. «Сатирикон»: 100 лет со дня начала издания журнала» (1 апреля 1908 года) // Панорама библиотечной жизни области: опыт, новые идеи, тенденции развития. Выпуск 1 (49) / Нижегородская гос. обл. универ. науч. библиотека им. В. И. Ленина. Нижний Новгород, 2008. С. 73.

сотрудничала с 1909 г., несколько раз закрывалась, но тут же начинала выходить под новым названием: «Вечернее слово», «Новое слово», «Наше слово»). У Тэффи остаётся, по сути, две главных «партийных» установок: здравый смысл и человеческие чистоплотность и порядочность.

«Революция 1917 года поразила Тэффи своей бессмысленностью, дурацкой бестолковщиной»⁹.

Происходившее порою настолько не соответствовало элементарной логике, что для достижения комического эффекта, кажется, писательнице порой не надо было специально изобретать mots – они рождались, будто из духа времени.

«– Купите курицу. У меня товар свежий. Ночью зарезу, а днем продаю.

– Купите сапоги, господин! У меня тоже товар свежий, я тоже... га-га-га!.. ночью зарезу, а днем и продаю» («В рынке»).

«Почему эта осьмушка называется ржаной – непонятно. Может быть оттого, что ни одна лошадь при взгляде на этот хлеб не удержалась бы от весёлого ржания, – так много в нём овсяной соломы» («Хлеб»).

«Я, говорит, распродаю теперь свою коллекцию персидских ковров – этим и кормлюсь. Питаюсь, как моль, коврами» («Петроградский монолог»).

«Первые киевские дни гость посвящает еде. Ходит по Киеву и съедает всё, что попадает на пути. Мимоходом шлёт с оказией открытки – в Большевизию. Всегда одинаковые.

Лирические:

«Дорогая, любимая. Люблю, тоскую. Ограблен дочиста. Ем пирожные, внутри крем с сахаром. Жалею, что без тебя».

Дружеские:

«Перевалив (станция по выбору), шлю привет. Ограблен дочиста. Ем пирожные, внутри крем».

И сухо-деловые:

«Ограблен дочиста, внутри крем». («Гости»).

Обилие шуток «про еду» в послеоктябрьских текстах Тэффи весьма показательно.

⁹ Алексинский Г. Её доброй и светлой памяти (Воспоминания о Н. А. Тэффи) // Цит. по: Тэффи. Печальное вино. Воронеж, 2000. С. 550.